

После выпуска

В 1948 году дипломникам актерского факультета ГИТИС имени Луначарского выпала честь стать зачинателями нового театра, причем столичного — Государственного русского драматического театра Эстонской ССР в гор. Таллине.

Как для института, так и для молодежи такое распределение не было неожиданным — курс с самого начала набирали с расчетом на то, что он будет выпущен коллективом.

Замысел педагогов, с одной стороны, а с другой — обучение людей разных по возрасту и жизненному опыту (сказались годы войны) требовали от преподавателей огромного внимания и напряжения сил. И курс, надо отдать ему справедливость, во многом помог общей работе. Молодежь была дисциплинированной, хорошо учила «технику» специальных предметов.

Гордые доверием, направились молодые артисты в гор. Таллин. Столица Эстонии встретила выпускников старшего вуза более чем гостеприимно. Уютное театральное здание в центре города, отлично оборудованный четырехэтажный жилой дом.

Но тем не менее в течение первых же двух сезонов из труппы выбыло 12 человек! Это обстоятельство не могло не насторожить: слишком мал был срок, чтобы разочароваться в данном театре, чтобы, наконец, перестать верить в полученную профессию как в свое призвание. И невольно думалось: правильно ли мы, и в том числе автор этих заметок, воспитали своих учеников? Не упустили ли, стремясь привить профессиональные навыки, вещей не менее важных — таких, как умение думать о жизни, искать в ней свое место?

Но так или иначе, новый театр набрал силу, ставя спектакли, так сказать, с переменным успехом. Следя за первы-

Заметки о театре

ми шагами выпускников по газетным рецензиям, беседуя с ними при встречах, нетрудно было заключить, что молодежь используется в репертуаре широко и значительно, что она удовлетворена началом своего пути. Однако ее не удовлетворяло — режиссура театра, требования которой не всегда были ясны.

В 1950 году в театр главным режиссером был приглашен В. Ланге. После первого же года работы с ним «таллинцы» приехали в Москву окрыленными. Не так легко завоевать у артистической молодежи такое безоговорочное признание, какое получил у нее новый главный режиссер. Это обнадеживало, а объективная сторона подтверждала надежды. Дважды на республиканских смотрах молодой театр занимал первое место.

Неизменные успехи театра подогревали мое любопытство.росло желание посмотреть спектакли, понять, в каком направлении идет развитие молодежи... Встреча в Москве с самим В. Ланге, отзывавшимся об актерах с большой похвалой, разрешила мои колебания: воспользовавшись близостью гастролей (гор. Калинин), я решила ознакомиться с работой коллектива, увидеть молодежь через семь лет после ее выпуска из института, причем лет, прошедших в столь благоприятных для нее условиях.

Я не буду рассказывать о тех пяти спектаклях, которые мне довелось увидеть во время гастролей в Калинин, спектаклях, очень разных по своему художественному уровню, получивших в свое время оценку и у публики, и в печати, и в устных разборах критиков.

Но было бы непростительной слабостью не сказать о том главном, что обнаруживалось в каждом спектакле, независимо от личности его постановщика, что бросалось в глаза со всей очевидностью: хотя молодежь и занята в репертуаре широко, играет большие роли, но, переходя из спектакля в спектакль, из

пьесы в пьесу, она остается чрезвычайно однообразной. Это обстоятельство не могло не вызывать беспокойства, тем более, что сама молодежь, как выяснилось из бесед, не сознавала этого своего однообразия...

Тревожило не то, что из кого-то, по собственному признанию, «увы, не получился Хмелев», а что в самом характере работы отсутствовали эти хмелевские тенденции к постижению характера человека. Простота и естественность ограничивали собой всю сущность работы над образом, и качества эти считались едва ли не главными...

Много беспокойных размышлений доставила мне встреча с таллинцами в Калинин. Я увидела я новую молодежь, к воспитанию которой не была причастна, но к судьбе которой в искусстве уже не могла оставаться равнодушной. И весной этого года я решила еще раз посмотреть спектакли Таллинского театра.

Я приехала в город перед закрытием сезона. Мне предстояло увидеть «В добрый час!», премьеру «Дармоедов» и «Несчастный случай». Увы, встреча в Таллине не принесла радости: более того — она огорчила больше, чем встреча в Калинин. Прошел еще сезон, сыгранными оказались еще по несколько ролей, но каждый актер удивительно сохранился в своей какой-то непринужденной, свойственной ему обычности.

Мало того, в этой своей обычности молодежь стала менее интересной, чем год тому назад... Уходили свежесть и непосредственность, стали «вылезать» заметные еще в институте и не преодоленные за годы работы в театре личные недостатки каждого (пластические, речевые). Индивидуальности интересные и своеобразные (В. Федорова, Э. Эннок) с нестойчивостью, ничем не объяснимой, «перепевали» самих себя, не замечая того, как тускнеют и изнашиваются «проверенные» свойства. В то же вре-

мя и актеры, когда-то склонные к поискам характера, к перевоплощению, как будто сознательно отказались развивать эти качества своего дарования, приспособив роль к своим индивидуальным качествам!

Пугало и общее в работе молодых — отсутствие жизненных наблюдений, той главной пищи, которая одна только и делает всякую технику живой, роднящей актера с зрительным залом.

Я не скрываю ни от них самих, ни от главного режиссера своего, теперь уже утвердившегося мнения о том, что рост их остановился. В ответ я услышала протесты с той и другой стороны.

Я понимаю, что ни один самый строгий критик, посмотревший, может быть, не один спектакль, не оценит сегодняшнюю работу выпускников 1948 года с той требовательностью, с которой оцениваю ее я. Но ведь любой критик не всегда осведомлен о прошлом актера и не всегда озабочен будущим его.

Меня же как педагога, знающего прошлое каждого актера, всегда волнует в его сегодняшней работе наличие перспектив в ней, характер направленности его творчества.

Кто же виновен в приостановившемся росте молодежи Таллинского театра?

Прежде всего мы, их педагоги, не сумевшие, вероятно, в годы учебы открыть им всю глубину и широту содержания того искусства, трудную дорогу которого они для себя избрали.

Но сегодняшними виновниками являются уже они сами, вырастающие из молодых в зрелых и имеющие самое ценное для роста — личный восьмилетний опыт профессиональной работы.

Правда, сегодняшняя атмосфера театра не оказалась мне помогающей поискам. Между режиссерами живет глухое, но взаимное неприятие вкусов — явление, к сожалению, нередкое в периферийных театрах. Тут-то бы молодежи и проявить максимум инициативы и

энергии, чтобы открыть плацдарм для открытой борьбы всего коллектива за вкус театра. Но и молодежи и руководству не хватает, видимо, нужной принципиальности, чтобы смело поставить вопросы именно творческого порядка на открытое и широкое обсуждение.

Начавший столь благоприятно свою деятельность Русский театр в Таллине не сможет сегодня похвалиться тем, что он из «зачинателя» превратился в любимого «старожилу». «От нас уходит зритель», — говорит директор театра. Убитки к 1956 году дошли до 300 тысяч. Благожелательная к театру критика выражает свою неудовлетворенность последними работами театра, газета «Советская Эстония» призывает управление и городскую парторганизацию помочь.

Вероятно, мне, ярой стороннице выпуска актерской молодежи коллективами, можно было бы не рассказывать о неудачном опыте. Но я уверена: меня поймут правильно. Дело вовсе не в том, что первый опыт (Таганрогский театр) удался случайно, а второй доказал эту случайность. Создавать молодежные театры нужно и необходимо. Эти театры могут складываться по-разному: и так, как в Таганроге и Таллине, и иным путем — соединением в коллектив людей, близких друг к другу по вкусам и убеждениям. Главное ведь в другом — в той мере требовательности, творческой смелости и высокой принципиальности, которые будут мерилом работы. И еще одно: думается, что нет оснований бояться доверить молодой театр молодому руководителю. От новых коллективов, возглавляемых молодыми режиссерами и их ближайшими помощниками — молодыми театроведами, можно ждать и новых смелых поисков и новых открытий. Все ведь зависит от того, как работать.

В. МАРТЯНОВА.